

## ΑΘΗΝΑΙΩΝ ΠΟΛΙΤΕΙΑ

### Псевдо — Ксенофонта.

(Введение и переводъ).

Какъ извѣстно, относительно Аѳинской Политіи, помѣщающейся въ сочиненіи Ксенофонта, былъ высказанъ въ ученой литературѣ нѣкій рядъ мнѣній. Всѣ изслѣдователи теперь признаютъ, что она не могла принадлежать Ксенофонтѣ, и что текстъ ея сохранился таковъ, но въ дальнѣйшихъ выводахъ ихъ взгляды рѣзко расходятся<sup>1)</sup>. Одни считаютъ, что текстъ, какъ мы его имѣемъ, представляетъ собою цѣлое, хотя и испорченное. Противорѣчія въ немъ можно считать тѣмъ, что «авторъ соединяетъ безпристрастіе историка и приверженность къ программѣ своей партіи» (Roscher). Другіе видятъ въ трактатѣ неумѣло сопоставленные экскериты изъ произведеній, написаннаго первоначально въ діалогической формѣ, гдѣ бывшими лицами выступали защитникъ и противникъ демократіи (Cobet, Wachsmuth). Кирхгофъ видѣлъ объясненіе противорѣчій, встрѣчаемыхъ у автора, въ томъ, что рукопись рано (еще въ александрійскихъ ученыхъ) была въ очень плохомъ состояніи, главы были разорваны и перепутаны<sup>2)</sup>, почему и необходимо, руководясь внутренней связью, переставить параграфы въ другомъ порядкѣ. Schöll, изложивъ содержаніе сочиненія, приходитъ къ заключенію, что die Schrift hat eben keine praktische Tendenz, sondern ist wissenschaftliche; авторъ его стоитъ на точкѣ зрѣнія демокра-

<sup>1)</sup> Я отмѣчаю здѣсь только главнѣйшія мнѣнія въ ихъ общихъ чертахъ, съ которыми, русскій читатель можетъ познакомиться по введенію къ изслѣдованію Ксенофонта Шварца [Ξενοφώντος] Ἀθηναίων Πολιτεία Москва, 1891. Тамъ же читатель найдетъ подробныя указанія на заглавія сочиненій приносимыхъ авторомъ.

<sup>2)</sup> Это, какъ увидимъ ниже, можно предположить только относительно самаго нашего трактата, въ другихъ же мѣстахъ нѣтъ надобности въ такомъ предположеніи.

ти, хотя и не сочувствует ей. При этомъ Schöll, подчеркивая научный характеръ трактата, выражается очень опредѣленно: *Der Verfasser will nicht Stimmung machen, nicht reformiren, nicht einmal tadeln oder loben* (!?) А. Н. Шварцъ считаетъ возможнымъ выдѣлить въ трактатѣ двѣ части: одну основную, принадлежащую умѣренному олигарху, а другую, которая состоитъ изъ замѣчаній, приписанныхъ къ первой въ болѣе позднее время въ видѣ возраженій однимъ изъ крайнихъ олигарховъ. Этимъ и объясняются, по его мнѣнію, всѣ противорѣчія, кромѣ того конецъ сочиненія сохранился вообще плохо.

Мы прежде всего остановимся на томъ, на сколько многочисленны противорѣчія въ трактатѣ, и дѣйствительно ли ихъ можно объяснить только или принимая авторство двухъ лицъ, или передѣлку изъ діалога, или такую порчу текста, которая для исправленія требовала бы перестановки отдѣльных мѣстъ всего сочиненія.

Прослѣдимъ общую мысль всего сочиненія, посмотримъ, какія цѣли ставитъ себѣ авторъ, и какъ онъ выполнилъ свою задачу.

Цѣль своего труда авторъ объясняетъ въ самомъ началѣ, гдѣ онъ указываетъ и свое отношеніе къ предмету работы. „Аѳинское государственное устройство я не хвалю, т. к. при немъ *οἱ πολῖται* играютъ видную роль, а *οἱ ἄρχοντες* не имѣютъ никакого значенія. Но самимъ аѳинянамъ оно кажется хорошимъ, и я укажу, какъ цѣлесообразно они поддерживаютъ его, и какъ хорошо они справляются со всѣмъ прочимъ, въ чемъ по мнѣнію другихъ эллиновъ поступаютъ ошибочно (*ἀμαρτάνουσι*). — Итакъ, все сочиненіе должно дѣлиться на двѣ части.

Какъ же авторъ развиваетъ свою тему?

Аѳиняне желаютъ поддержать свой демократическій строй. поэтому вполне справедливо, что они предпочитаютъ бѣдныхъ и народъ (*οἱ πένητες καὶ ὁ δῆμος*) знатымъ и богатымъ (*οἱ γυναιῶν καὶ πλοῦσις*), такъ какъ народъ, служа во флотѣ, придаетъ могущество государству (I § 2), а разъ дѣло обстоитъ такимъ образомъ, то естественно, что право активнаго участія въ государственномъ управленіи предоставлено всѣмъ. Но народъ не стремится безъ разбора ко всѣмъ должностямъ, онъ старается занимать только выгодно

начиваемыя должности; тѣ же, гдѣ большую пользу <sup>1)</sup> могутъ принести *χρηστοί καὶ δυνατοί*, онъ предоставляетъ послѣднимъ.

А. Н. Шварцъ начало и конецъ § 3 приписываетъ крайнему олигарху. Между тѣмъ, мнѣ кажется, весь этотъ § могъ написать онъ человѣкъ, враждебно относящійся къ демократіи, но признающій, что она дѣйствуетъ цѣлесообразно <sup>2)</sup>.

Къ этому же ряду мыслей можно присоединить дальнѣйшее (113 s. f.) указаніе, что народу выгодно, если богачи становятся нянками, и съ этой цѣлью онъ налагаетъ на нихъ хорегіи и цріа литургіи.

Все это могъ написать врагъ *τῶν πονηρῶν*, къ какой бы фракціи олигарховъ онъ ни принадлежалъ.

Равнымъ образомъ, по моему мнѣнію, и послѣдующіе §§ I. 4—9 касаются возможности опредѣлить, что принадлежитъ крайнему, а разумѣнному олигарху. Всѣ они представляютъ развитіе темы, заключающейся вездѣ (*πανταχοῦ*) дають преимущество *τοῖς πονηροῖς καὶ κακοῖς καὶ ἀφροσύνοις*, а не *τοῖς χρηστοῖς*, руководствуясь тѣмъ, что политика всегда должна поддерживать себѣ подобныхъ <sup>3)</sup>.

Наиболѣе рѣзки §§ I, 8—9, гдѣ авторъ выражается очень резко; онъ прямо говоритъ, что хорошіе законы (*εὐνομίαι*) обозначаютъ рабство для народа. А. Н. Шварцъ видитъ здѣсь иронію по отношению олигарховъ (А. Н. Шварцъ стр. 23) и что отъ «олигархіи» онъ, во всякомъ случаѣ, не ожидаетъ большихъ благъ для города (Id. 163); мнѣ кажется, что ироніи здѣсь нѣтъ: для города, конечно, онъ не ожидаетъ благъ, но ожидаетъ ихъ для своей партии. Скорѣе, кажется, такое рѣзкое формулированіе должно служить или выраженіемъ безпредѣльной ненависти, а ненависть къ демократіи вовсе не составляла особенность только крайнихъ олигарховъ <sup>4)</sup>, или (если допустить, что памфлетъ долженъ быть распространенъ въ широкихъ кругахъ и что онъ имѣлъ уже обработанный видъ) провоцированіемъ олигархическихъ плановъ. Это мѣсто

<sup>1)</sup> И съ которыми, можно прибавить, связана большая отвѣтственность, какъ стратегіей и гиппархіей.

<sup>2)</sup> Ср. переводъ этого §.

<sup>3)</sup> Это утвержденіе авторъ повторяетъ далѣе въ II, 19 и III, 10.

<sup>4)</sup> См. примѣры и литературу, приведенную Цельманомъ въ началѣ XI главы «Истории греческой исторіи».

можетъ навести даже на мысль, что здѣсь, пожалуй, мы имѣемъ вставку, но не крайняго олигарха, а его злѣйшаго врага, поставившаго цѣлью скомпрометировать олигархію и, доведя до крайности олигархическія посылки, формулировать мысль такъ, чтобы возбудить народъ противъ олигарховъ. Хотя мы знаемъ, что въ дѣйствительности олигархи не останавливались передъ самыми рѣшительными дѣйствіями противъ демоса, все же трудно повѣрить, чтобы они такъ откровенно могли изложить свои (пусть дѣйствительныя) мысли въ письменномъ документѣ. Одной только неотдѣланностью трактата и можно объяснить признаніе о желаніи поработить народъ<sup>1)</sup>. Или, можетъ быть, здѣсь сказалось партійное увлеченіе, которое часто доводитъ до рѣзкихъ выраженій?

До сихъ поръ рѣчь шла о положеніи свободнаго населенія, теперь авторъ переходитъ къ характеристикѣ положенія рабовъ и метѣковъ.—Раба въ Аѳинахъ не отличить отъ свободнаго: оба ходятъ въ одинаковой одеждѣ, раба въ Аѳинахъ нельзя побить. Такое потворство рабочимъ очень понятно, оно коренится въ самыхъ условіяхъ развитія аѳинскаго могущества, основаннаго на денежно-торговомъ хозяйствѣ, при которомъ рабы платятъ своимъ господамъ оброкъ, и чѣмъ богаче рабъ, тѣмъ выгоднѣе для господина (I, 11). Поэтому рабъ не долженъ никого бояться, такъ какъ изъ-за страха онъ можетъ отдать все свое имущество и перестать быть доходной статьей. Эти же условія заставили дать равноправіе и метѣкамъ (I, 12). Равноправіе обоихъ этихъ классовъ ограничено лишь въ одномъ: они не могутъ заниматься музыкой и гимнастикой...

Здѣсь ходъ мыслей, какъ правильно указалъ А. Н. Шварцъ, прерывается: авторъ вдругъ начинаетъ говорить о томъ, что богачи активно участвуютъ въ литургіяхъ, а бѣдняки—пассивно, а затѣмъ переходитъ къ описанію положенія союзниковъ. Все это мѣсто (I, 18), въ общемъ контекстѣ, производитъ впечатлѣніе вставки, несвязанной съ предыдущимъ и послѣдующимъ. И Фальтинъ, и Кирхгофъ замѣтили его неумѣстность и считаютъ его какъ бы собраніемъ отдѣльныхъ фрагментовъ, переписанныхъ а *diligenti librario ex exemplari multifariam pessumdato*. А. Н. Шварцъ видитъ въ этомъ

<sup>1)</sup> Калинка объясняетъ употребленіе такихъ рѣзкихъ выраженій тѣмъ, что трактатъ не предназначался для обнародованія, см. ниже.

тѣ вставку яраго противника демократіи. Всѣ комментаторы являются, какъ авторъ могъ не замѣтить, что обѣднѣніе богачей влекло вредъ для государства <sup>1)</sup>. Между тѣмъ, здѣсь авторъ, можетъ быть, отмѣтилъ ту же черту аѳинянъ, на которую указываетъ и Лисій: «Всѣмъ извѣстно, что пока въ кассѣ есть достаточно денегъ, совѣтъ не нарушаетъ закона, когда же государство находится въ денежной нуждѣ, тогда совѣтъ не можетъ не пользоваться ресурсами, не конфисковать имущества гражданъ и не давать хода предложеніямъ самыхъ негодныхъ ораторовъ» <sup>2)</sup>. Мнѣ кажется, что первую половину указаннаго мѣста, не отрицая пропуска послѣдней фразы ἐπιτιθεμένων, можно объяснить довольно легко. Авторъ внесъ замѣчаніе по ассоціаціи съ предыдущимъ; послѣдняя же фраза представляетъ или вставку или также связана съ предыдущимъ по ассоціаціи. Выше указывается, что народъ, налагая на богачей лишіи, разоряетъ ихъ; это обстоятельство стороннику τῶν πλουσίων ἀλλοτρίωνъ кажется, какъ само собою понятно, крайней несправедливостію, и онъ прибавляетъ, что несправедливость народа проявляется не только въ этомъ, но что она вообще господствуетъ въ нихъ. Во всякомъ случаѣ въ этомъ мѣстѣ есть неполнота и обрывчатость, которую я скорѣе объяснилъ бы неотдѣляемостію текста, чѣмъ тѣмъ, что листы рукописи были перепутаны или что она подверглась интерполированію со стороны какого то читателя, приписавшаго свои возраженія. Другого примѣра такой интерполяціи мнѣ кажется, не имѣемъ, а вѣдь, нѣкоторыя мѣста хотя бы Фукидидомъ несомнѣнно, могли бы вызвать возраженія со стороны читателей того или другого политическаго лагеря.

Указавъ (I, 14—18), какъ послѣдовательно проводятъ аѳиняне своей своей ἀρχή демократическую политику, и какъ такое поведение выгодно для нихъ, авторъ переходитъ къ характеристикѣ силъ аѳинскаго государства. Онъ отмѣчаетъ, какъ полезны для развитія мореплаванія отдаленныя владѣнія (I, 19—20), и насколько господство на морѣ выгодно гегемоніи на сушѣ не только въ военное, но и въ мирное время. Государству, господствующему на морѣ,

<sup>1)</sup> См. А. Н. Шварцъ, 99 и 113.

<sup>2)</sup> Lys. (30) adv. Nicom. 22. Противоположное мнѣніе, правда, вложенное въ уста Эрасибула и обращенное къ οἱ ἐν ἅστει, находимъ у Xen. Hell. II, 4, 40.

не страшень неурожай: оно привезетъ хлѣбъ изъ другихъ мѣстъ; помимо хлѣба въ Аѳины привозятъ и изысканныя лакомства (II, 3—7). Частыя сношенія съ разными племенами помогли аѳинянамъ выработать очень богатый языкъ, разнообразную одежду и образъ жизни (II, 8). Любопытно, что здѣсь разнородныя вещи: *φαινύ, δίαιτα* и *εὐχρησ* упоминаются вмѣстѣ; повидимому, это смѣшеніе должно обозначать иронію надъ жизнью и языкомъ аѳинянъ. Кирхгофъ и Ланге думаютъ, что текстъ здѣсь сильно испорченъ. Но почему бы автору при бѣгломъ набрасываніи своихъ мыслей не помѣстить все это вмѣстѣ, съ намѣреніемъ впослѣдствіи подробнѣе развить это мѣсто?

Дальше слѣдуетъ мѣсто, совершенно не связанное съ общимъ контекстомъ и прерывающее ходъ мысли писателя. Трудно даже сказать, что хотѣлъ писавшій его выразить, говоря о невозможности *ἐχάστω τῶν πενήτων* приносить жертвы, справлять праздники и строить себѣ отдѣльныя бани, гимназіи и раздѣвальни, и о томъ, что червь (*ὄχλος*) строить все это сообща. Если допустить (вмѣстѣ съ А. Н. Шварцемъ) интерполяцію крайняго олигарха, то неужели послѣдній не видѣлъ, что свое замѣчаніе онъ писалъ совершенно ни къ мѣсту. Такая злобная выходка могла бы стоять гдѣ-нибудь въ первой главѣ, гдѣ говорится о господствѣ *τῶν πενήτων*, а не здѣсь. Поэтому или придется перенести § 9—10 куда-нибудь выше (напр., къ § 13, гдѣ кстати есть тоже нѣкоторая несложность текста), или же признать вмѣстѣ съ Кирхгофомъ и Ланге о совершенной портѣ даннаго мѣста.

Послѣ этой вставки продолжается развитіе мысли о выгодѣ господства на морѣ (II, 11—13) и отмѣчается единственная, по мнѣнію автора трактата, слабая сторона Аѳинъ—ихъ материковое положеніе, благодаря которому враги могутъ по сушѣ вторгнуться въ страну и измѣной захватить городъ. (II, 14—16).

Въ §§ 17—20 второй главы мы опять встрѣчаемъ какия то вставки, не связанные съ предыдущимъ, и притомъ плохо сохранившіяся въ рукописяхъ.

Общій смыслъ перваго отрывка (II, 17) тотъ, что олигархи должны соблюдать союзы и клятвы, такъ какъ при этомъ образъ правленія обиженные знаютъ, отъ кого терпятъ обиды, а при демократіи виновныхъ въ изданіи того или другого постановленія

ть. — Второй отрывокъ говорить, что афиняне не позволяютъ выйти на сценѣ народъ, за исключеніемъ его отдѣльныхъ представителей, которые вмѣшиваются не въ свои дѣла и стараются вывинуться изъ среды демоса. А. Н. Шварцъ (стр. 33) по поводу этого мѣста замѣчаетъ: «присматриваясь ближе, нельзя не замѣтить, что и эта замѣтка..... носитъ на себѣ характеръ не столько собственнаго наблюденія надъ явленіями дѣйствительной жизни, сколько твореннаго съ чужихъ словъ замѣчанія, которымъ, безъ твердаго основанія подробностей, воспользовался его авторъ для подтвержденія своихъ упрековъ афинской демократіи..... замѣтка эта могла возникнуть нѣсколько позже того времени, къ которому..... относить возникновеніе другихъ частей текста въ нашемъ произведеніи (стр. 33). Но можетъ быть, заявленіе автора *οὐκ ἔστι κομφοδεῖν καὶ κικλῶσθαι τὸν δῆμον* близко къ истинѣ и къ 424 году. Законъ Сирако-дъ 414 г. не былъ такимъ мертворожденнымъ закономъ, какъ утверждаетъ Шварцъ, и тому же Фриниху, на котораго ссылается нашъ исследователь, принадлежитъ стихъ *ἀφείλετο γὰρ κομφοδεῖν οὐς τὸν δῆμον*. Этотъ законъ однако не запрещалъ поэтамъ выводить на сцену *ἰδιώτας ἀνδρωπίστους*<sup>1)</sup>.

Вѣроятно и законъ Антимаха 440 г. былъ такого же содержания, но постепенно онъ былъ забытъ и потребовалъ возобновленія. Если бы такого закона не было<sup>2)</sup>, или если бы авторъ зналъ о немъ только по смутнымъ слухамъ, то въ виду общеизвѣстныхъ отношеній осмѣянія демоса и демагоговъ въ комедіяхъ олигархически настроенному писателю выгоднѣе было бы представить, какъ демократія позволяетъ насмѣхаться надъ собой и подрывать такимъ образомъ свои основы. Наоборотъ, онъ опредѣленно говоритъ о томъ, что эти насмѣшки не позволялись (все равно возьмемъ ли мы въ виду омежающимъ при *οὐκ ἔστι οἱ Ἀθηναῖοι* или *οἱ δημαγωγοί* по Bergk'y) и, слѣдовательно, и здѣсь демократія дѣйствовала очень по-мѣтательно.

Въ § 19 авторъ повторяетъ уже сказанное ранѣе въ I, 4 (и опять повторяемое ниже въ III, 10) о взаимной ненависти *τῶν πλουτῶν* и *τῶν χρηστῶν* и объ ея причинахъ и приходитъ къ заклю-

<sup>1)</sup> Θ. Ф. Зѣлинскій. Фил. Обоз. II. 31—32.

<sup>2)</sup> Ср. А. Н. Шварцъ. 28 сд. и возраженія Θ. Ф. Зѣлинскаго I. I.

ченію, что самому народу можно простить его демократичность, «потому что всякому извинительно дѣлать себѣ полезное, но кто, будучи враждебенъ народу, предпочитаетъ жить въ демократическомъ управляемомъ государствѣ, а не въ олигархическомъ, тотъ дѣлаетъ это съ злымъ умысломъ, зная, что злодѣю легче остаться безымяннымъ въ первомъ. Я не хвалю», повторяетъ авторъ: «афинское государственное устройство, но, разъ они рѣшили ввести демократію, мнѣ кажется, что они ее хорошо охраняютъ, примѣняя выше указанныя средства».

Такова первая часть трактата. Авторъ показалъ, какъ цѣлесообразно (съ точки зрѣнія демократіи) управляютъ афиняне какъ своимъ πόλις, такъ и ἀρχή, поддерживая вездѣ низшіе классы населенія (οἱ πονηροί, δημοτικοί) и преслѣдуя высшіе (ἄριστοι, τὸ βέλτιστον, δυνατώτατοι). Теперь онъ долженъ былъ бы показать, «какъ хорошо афиняне справляются и со всѣмъ прочимъ, въ чемъ, по мнѣнію другихъ эллиновъ, ошибаются (I, 1)». Мы ожидали бы рядъ указаній на то, въ чемъ же афиняне ἀμαρτάνουσι, но вмѣсто этого находимъ только обвиненія противъ афинскаго судопроизводства. Между тѣмъ А. Н. Шварцъ говоритъ: «Не менѣе послѣдовательно затѣмъ изложеніе мыслей и во второмъ, хуже сохранившемся, отдѣлѣ (стр. 8). Судя по его (автора Аѳ. Пол.) возраженіямъ, главнымъ пунктомъ этихъ упрековъ были нападки на медленность административной машины (ib.)». Далѣе (стр. 9) онъ удивляется, что Lange указываетъ на неполноту этого отдѣла, и прибавляетъ, что «авторъ и не собирался давать подробностей».—Но откуда это можно знать?—Изъ того, что осталось, сдѣлать такого заключенія никакъ нельзя. Кромѣ неудовлетворительнаго состоянія второй части, есть кажется прямое указаніе, что авторъ предполагалъ коснуться и другихъ подробностей: ἔτι δὲ καὶ τότε τινὰς ὅρων μεταφωμένους Ἀθηναίαις..... (III 1). Поэтому правильнѣе, можетъ быть, сказать, что изъ этой части до насъ сохранился только одинъ экскурсъ о судопроизводствѣ, въ которомъ изложеніе довольно послѣдовательно.

Начавъ съ того, что афиняне порицаютъ за медлительность ихъ судопроизводства, авторъ развиваетъ мысль, что она происходитъ отъ массы дѣлъ, общественныхъ и частныхъ жалобъ и ответовъ, а также и отъ множества праздниковъ (III. 1. 2). Даже



тки, съ помощью которыхъ иногда можно ускорить дѣло, остаются въ результата (III, 3). Перечисляя примѣры разнаго рода дѣлъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что всѣ они не могутъ не быть разбираемы. (III, 4—6). Но могутъ сказать, что нужна реформа суда; въ чемъ она должна бы заключаться и противъ чего возражать авторъ, нельзя сказать опредѣленно по причинѣ пропусковъ въ § 7, но общій смыслъ таковъ: «если увеличить число судей, то ляжетъ бременемъ на государственную казну, если же увеличить число отдѣльных дикастеріевъ, то въ каждомъ изъ нихъ судей будетъ меньше прежняго и ихъ легче будетъ подкупать. Кромѣ того нужно помнить, что въ Афинахъ вдвое больше праздниковъ, чѣмъ въ другихъ городахъ (III, 8; повтореніе III, 2), и вслѣдъ за этимъ утвержденіемъ слѣдуетъ фраза: ἀλλ' ἐγὼ μὲν τῶντιν ἴσας τῇ πόλει ἀρούρη πόλει. Эта фраза единственное, какъ мнѣ кажется, что относительно котораго теорія А. Н. Шварца несомнѣнна, такъ какъ она прямо является полемикой противъ автора трактата и гла дѣйствительно быть приписана въ видѣ возраженія.

Конецъ § 8-го и § 9-ый являются заключеніемъ разсужденія о совершенствѣ афинскаго суда, реформа котораго не можетъ быть введена безъ нарушенія демократическаго строя. Можно найти и другой строй, свободный отъ вышеуказанныхъ недостатковъ, но это не будетъ демократія.

Этимъ заканчивается экскурсъ о судопроизводствѣ, и относительно послѣдующихъ параграфовъ можно вполне присоединиться къ мнѣнію А. Н. Шварца, видящаго въ нихъ (согласно съ прочими издателями) только отдѣльные фрагменты<sup>1)</sup>. Но повтореніе въ § 10 и 11 уже сказаннаго въ I, 4 и II, 19 о томъ предпочтеніи, какое афиняне отдають τοῖς χείροσι, можно, мнѣ кажется, объяснить только тѣмъ, что крайнему олигарху, приписывавшему свои замышл., «оно понадобилось для того, чтобы ввести случайно принятіе ему на умъ историческіе примѣры, доказывающіе невыгоду демократіи съ олигархіей<sup>2)</sup>». Плохая сохранность конца и начала многихъ рукописей дѣлаетъ возможнымъ, помимо допущенія вообще необработанности всего трактата, вотъ еще какое

<sup>1)</sup> А. Н. Шварцъ стр. 168 сл.

<sup>2)</sup> Ibid. стр. 169.

объясненіе. Мюллеръ-Штрибингъ указаль, что всего удобнѣе сопоставить эти замѣтки съ III, 9. Ибо разъ писатель заговориль о невозможности коренныхъ реформъ въ афинскомъ государствѣ, безъ нарушенія самаго принципа демократическаго устройства, онъ легко могъ добавить, конечно, что такихъ перемѣнъ нечего и ожидать, за немѣнѣемъ для того подходящихъ лицъ. Что въ такой связи онъ притомъ именно заговориль объ *ἄλλοις*, понятно для всякаго, такъ какъ повсюду въ греческихъ государствахъ какъ разъ этотъ классъ людей составлялъ главный контингентъ, на который разсчитывали руководители революціонныхъ движеній и который самъ верѣно являлся начинателемъ той *μετακίνησις*<sup>1)</sup>. Если мы примемъ во вниманіе это указаніе, то перестановка §§ 12 и 13 на мѣсто §§ 10 и 11, вполнѣ допустимая съ логической точки зрѣнія, допустима и фактически. Здѣсь можно присоединиться къ взгляду Кирхгоффа, что рукопись, съ которой были сдѣланы копія, сохранилась въ концѣ очень плохо (можетъ быть въ видѣ отдѣльныхъ лоскутковъ), переписчикъ перемѣшалъ ихъ и написалъ въ ошибочномъ порядкѣ<sup>2)</sup>. При этомъ условіи §§ 10 и 11, можетъ быть, принадлежали къ какому нибудь новому экскурсу, не дошедшему до насъ.

Такимъ образомъ во всемъ трактатѣ можно признать двѣ части: первую можно было бы озаглавить «о цѣлесообразной политикѣ афинянъ, направленной къ поддержанію демократіи»; вторая же часть представляетъ экскурсъ о несовершенствѣ афинскаго судопроизводства и о связи его съ демократическимъ строемъ. Нѣкоторая обрывочность текста не противорѣчитъ общему тону изложенія, и трудно видѣть въ трактатѣ какія либо ясныя противорѣчія вопреки Belot, который видитъ ихъ на каждой страницѣ<sup>3)</sup>. Трактатъ дошелъ до насъ въ плохомъ видѣ, но авторъ всюду выражаетъ свое негодованіе противъ демократіи, хотя ясно представляетъ, какъ послѣдовательны демократы въ своихъ дѣйствіяхъ. Если мы признаемъ, что нашъ памятникъ имѣетъ единство содержанія, то едва ли нужно будетъ подробно останавливаться на томъ

1) Цитата по А. Н. Шварцу стр. 170.

2) Какъ на примѣръ небрежности переписчика можно указать на начало 33. Пол. Аристотеля.

3) Belot, La republique d'Athènes стр. 3.

ни, которое видить въ АѢ. Пол. результатъ неискусной перенести изъ діалога.

Всѣ тѣ мѣста, которыя вводятся словами εἶποι δ' ἄν τις (I. 6, 7, εἰπάτω γάρ τις (III. 6), οἱ δὲ ἀντιλογίζονται (I. 16) и т. д. и въ которыхъ можно видѣть слѣды первоначальной діалогической формы, все всего являются простыми риторическими вопросами, встрѣчающимися и у другихъ авторовъ, въ монологической формѣ произведеній которыхъ никто не сомнѣвался <sup>1)</sup>.

Переходя къ выясненію личности автора, мы прежде всего должны отмѣтить, что имѣемъ въ текстѣ нашего памятника ясныя свѣдѣнія на его аѣинское происхожденіе. Нѣсколько разъ встрѣчается выраженіе αὐτόθι (1, 2, 10, 11) <sup>2)</sup>; въ другихъ мѣстахъ авторъ употребляетъ выраженія: «мы», «у насъ» (ἴνα λαμβάνωμεν I, 11; ἡμῶν ἐποιήσαμεν I, 12; ἀντίπαλοι ἡμῶν εἰσιν и т. д.). Аѣинское происхожденіе автора такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, гораздо труднѣе опредѣлить точно ту партію, къ которой онъ принадлежалъ, какова была цѣль разбираемаго сочиненія.

Характерной чертой является сходство многихъ мыслей автора, что мы находимъ въ исторіи Фукидида, и многіе изслѣдователи уже давно обращали вниманіе на то обстоятельство. Одинъ изъ нихъ (Roscher) даже утверждаетъ, dass er (авторъ нашего памятника) mit diesem (т. е. Фукидидомъ) identisch gewesen, behauptete nicht: wollte ich es behaupten, man würde mich schwerlich direct belegen können <sup>3)</sup>. И дѣйствительно, сходство между обоими писателями очень велико. Оба они не сторонники демократіи, и ихъ точка послѣдней различна не столько по качеству, сколько по тону. Авторъ Аѣинской Политіи съ враждой отзывается объ этой формѣ правленія, но и Фукидидъ иногда выражается почти такъ же рѣзко.

<sup>1)</sup> Blass. Att. Bereds. 1<sup>2</sup> p. 276 приводитъ примѣры изъ Демосфена и Аристофана.

<sup>2)</sup> Busolt, G. G. III, 2 p. 612 видитъ въ указанныхъ мѣстахъ, что они были написаны въ Аѣинахъ, тогда какъ другія мѣста могли быть написаны въ изгнаніи, авторъ припомнимъ II, 20, гдѣ авторъ говоритъ о невозможности честному человеку, выражающемуся въ демократіи, жить въ государствѣ, имѣющемъ этотъ образъ правленія, то можно было бы думать, что авторъ и самъ жилъ въ изгнаніи. Но, видно, указанное мѣсто (II, 20) можетъ выражать общую сентенцію. Ср. А. Н. Шварца 147 и приведенныя тамъ мнѣнія изслѣдователей.

<sup>3)</sup> Цитата у А. Н. Шварца, 57, ср. Müller Strübing. 25 сл.

“Οπερ φιλεῖ ὄμιλος ποιεῖν (II, 65, 4) говорить онъ о непостоянствѣ афинянъ по отношенію къ Периклу (ср. IV, 28, 3: *ὅσον ὄχλος φιλεῖ ποιεῖν*; VI, 63, 2: *ὅσον δὲ ὄχλος φιλεῖ θαρσύνει ποιεῖν*; VIII, 1, 3). Довольно рѣзко характеризуется афинская демократія въ рѣчи Клеона (III, 37, 38): «О будущихъ предпріятіяхъ, объ осуществимости ихъ вы судите по рѣчамъ ловкихъ ораторовъ; о событіяхъ уже совершившихся вы заключаете не столько потому, что сдѣлано и что вы видите сами, сколько по тому, что слышите отъ ораторовъ, искусныхъ въ обличеніи. Вы въ совершенствѣ умѣете обольщаться новизной въ рѣчахъ и не слѣдовать вашимъ же собственнымъ рѣшеніямъ: вы, рабы всего необычайнаго, презираете обыденное». Въ другомъ мѣстѣ демократія называется «общепризнаннымъ безуміемъ» (*ἐπεὶ δημοκρατίας γε καταγινώσκομεν οἱ φρονούντες τι, καὶ αὐτὸς οὐδένος ἢ χειρόν, ὅσω καὶ* (поправка Hudé cod. καὶ) *λοιδορήσιναι ἀλλὰ περὶ ἐπιλογουμένης ἀνοίας οὐδέν ἂν καινὸν λέγεται*. Thus. VI, 89, 6). Послѣдняя характеристика вложена въ уста Алкивіаду, по Белохъ (Гр. Ист. II, 22—23) считаетъ это мнѣніемъ вообще образованныхъ классовъ<sup>1)</sup>. Самъ Θουкидидъ, какъ извѣстно, признавалъ наилучшимъ строемъ демократію 5000 (VIII, 97, 2); но тѣмъ характернѣе это мѣсто для обнаруживанія взглядовъ одной изъ партій того времени, партія, можетъ быть, близко подходящей по своей программѣ къ партіи Псевдо-Ксенофонта.

Не менѣе близко къ характеристикѣ отношеній афинянъ къ союзникамъ, сдѣланной авторомъ разбираемаго сочиненія, подходитъ характеристика этихъ же отношеній у Θουкидида. «Власть ваша», говоритъ Периклъ афинянамъ: «имѣетъ видъ тираніи (II, 63; то же въ рѣчи Клеона III, 37, 2; ср. *Ἀθ. Πολ.* II, 8), насъ (афинянъ) ненавидятъ и тяготятся нами, это общая участь всѣхъ, кто пожелалъ властвовать надъ другими (II, 64, 57; ср. *Ἀθ. Πολ.* I, 14). Во всѣхъ государствахъ народъ благоволяетъ къ вамъ или вовсе не возмущается вмѣстѣ съ меньшинствомъ, или же, если бываетъ вынужденъ примкнуть къ возстанію, тотчасъ становится во враждебныя отношенія къ возставшимъ, и потому, начиная войну, вы имѣете союзни-

<sup>1)</sup> Хотя едва ли это такъ: Алкивіада надо считать представителемъ крайне реакціонной партіи, и въ его уста Θουкидидъ могъ вложить мысль, которую не раздѣляя ни онъ самъ, ни масса образованныхъ людей той эпохи.

въ народѣ (τὸ πλῆθος) враждебнаго горста (III, 47, 2 ср. Пол. III, 10).

Еще ближе можно провести параллель между описаніемъ афинскаго морского могущества у обоихъ авторовъ. Въ Афинской политіи, какъ мы видѣли, морское могущество является главной силой для демократіи. Господствуя надъ моремъ, она можетъ не боясь враговъ, сама приводить всѣхъ въ ужасъ и, благодаря своему флоту, пользуется всѣми выгодами морской торговли. Такую картину мы встрѣчаемъ и у Фукидида: «Изъ двухъ элементовъ, предоставленныхъ въ пользованіе людямъ, суши и моря, однимъ вы можете вполне не только на томъ пространствѣ, на какомъ пользуетесь имъ, но и дальше если бы пожелали. И въ настоящее время нѣтъ такого царя и такого народа, которые были бы въ состояніи задержать плаваніе вашего флота (II, 62, 2). Если бы персійскіе вторглись въ нашу страну по сушѣ, мы пойдемъ завоевать эту землю моремъ, а опустошеніе одной какой-либо части Персидскаго царства не можетъ сравниться съ опустошеніемъ цѣлой Аттики, и въ замѣнъ этой области они не смогутъ получить безъ борьбы никакой другой, тогда какъ у насъ есть много земли и на островахъ и на материкѣ; въ самомъ дѣлѣ, сила моря велика. Подумайте только, ставъ островными жителями, развѣ не были бы мы сильнѣе всѣхъ? (I, 143, 4—5). Благодаря обширности города и тому, что со всѣхъ земель стекается все, такъ что мы пользуемся плодами всѣхъ другихъ народовъ съ такою легкостью, какъ и плодами собственной земли (II, 38, 2, ср. 'Аѳ. Пол. II, 6, 7). Точно такъ же повторяющимися въ году играми и жертвоприношеніями мы обеспечиваемъ душѣ возможность многообразнаго отдохновенія отъ трудовъ» (II, 38, 1 ср. 'Аѳ. Пол. II, 9).

Мнѣ кажется, что приведенныхъ отрывковъ достаточно, чтобы указать тѣ точки соприкосновенія, которыя существуютъ между Фукидидомъ и Псевдо-Ксенофонтомъ<sup>1)</sup>. Конечно, нельзя думать,

<sup>1)</sup> Это сходство при первомъ чтеніи трактата невольно наводитъ на мысль, не былъ наше произведеніе сочиненіе ученика какой-нибудь риторской школы (testimonium относится къ III в. по Р. X.), составленное по Фукидиду и другимъ источникамъ, напр., комедіямъ (составленіе у Müller-Strübing'a, А. Н. Шварца и др.) и перешедшее до насъ партійной литературѣ. Но обдуманность плана и ясность многихъ замѣчаній дѣлаютъ мало вѣроятнымъ это предположеніе.

что одинъ авторъ списалъ у другого: указанныя мѣста интересны тѣмъ, что показываютъ, какое впечатлѣніе на современниковъ произвелъ быстрый ростъ аѳинскаго морскаго могущества. Олигархическій авторъ (какъ и Фукидидъ) вѣрно указалъ всѣ выгоды, представляемыя Аѳинамъ ихъ положеніемъ, и можно считать правильнымъ выводъ Gomperz'a (Gr. Denk. I, 398), что ненависть автора къ демосу сообщила какъ бы особую остроту его зрѣнію. Онъ указалъ и единственную слабую сторону Аѳинъ, ихъ материковое положеніе, позволяющее партіи, враждебной существующему строю, призвать враговъ для его ниспроверженія. И мы знаемъ, что олигархи постоянно обращались за поддержкой къ Спартѣ. Въ авторѣ, какъ видно изъ всего произведенія, мы должны признать олигарха, вѣрно понимавшаго положеніе дѣлъ, но тѣмъ съ большей ненавистью относившагося къ нему. Ближе приписывать авторство какому-нибудь опредѣленному лицу едва ли возможно, да это и не представляетъ особаго интереса. Важно не то, кто написалъ какое произведеніе, а то, что въ Аѳинахъ того времени такъ ясно сознавали современное положеніе. При этомъ нужно обратить вниманіе, что разъ разбираемое произведеніе сохранилось до нашего времени, а не погибло какъ другія произведенія того же рода, то надо предположить, что мысли, высказанныя въ немъ, встрѣтили извѣстный интересъ.

И дѣйствительно, нашъ трактатъ заслуживалъ полнаго вниманія тѣмъ, что авторъ правильно отмѣтилъ и подчеркнул какъ сильныя, такъ и слабыя стороны аѳинскаго государства. Приписывать эту Политію Критію едва-ли вѣроятно, такъ какъ немногочисленные фрагменты его сочиненія подъ этимъ заглавіемъ (F. H. G. p. 70—71 fr. 8—13), повидимому, показываютъ, что онъ касался главнымъ образомъ культурной и политической исторіи, тогда какъ методъ Псевдо-Ксенофонта можно назвать соціологическимъ.

Теперь мы поставимъ вопросъ, кому могло быть адресовано разбираемое произведеніе и какую цѣль преслѣдовалъ авторъ при его составленіи.

Высказывалось мнѣніе, что это письмо Ксенофонта къ Агезилаю. Выставлялось мнѣніе, что это вообще письмо, написанное къ какому-нибудь спартанцу. Думали, что, можетъ быть, это про-

едеіе написано для обращенія среди олигарховъ, товарищей по дѣлу, или что это научный трактатъ, что, наконецъ, это λόγος, политическая рѣчь, преслѣдующая опредѣленную цѣль<sup>1)</sup>.

На первомъ мнѣніи можно не останавливаться, такъ какъ при- тежность трактата Ксенофонту теперь никѣмъ (кроме Belot) не держивается. Кроме того, съ какой цѣлью могъ бы Ксенофонтъ писать письмо къ Агезилаю или какому-нибудь другому спар- тому государственному дѣятелю? Неужели они не знали, въ состоятъ сила Аѣинъ?—Уже первые годы Пелопоннесской вѣны показали спартамцамъ, что жители Аттики не боятся напа- на съ суши. Вместе съ тѣмъ, допуская авторство Ксено- на (434—359 г.г.), пришлось бы отнести трактатъ къ болѣе своему времени, тогда какъ по общему мнѣнію изслѣдователей онъ написанъ до 424 г.<sup>2)</sup> Авторъ изображаетъ морское могуч- тво Аѣинъ и господствующую демократію. У него нѣтъ нигдѣ ній на то, что это было, наоборотъ, всѣ его нападенія на истинный строй объясняются только тѣмъ, что этотъ строй живъ.

Болѣе вѣроятна гипотеза письма олигарха къ своему спартан- другу; тогда объяснима была бы и цѣль сочиненія. Авторъ, о порядки демократіи, указываетъ, какъ прочно она пустила корни во всемъ строѣ государства и какъ ничего въ немъ нельзя сдѣлать безъ нарушенія этой любезной народу формы правленія, на послѣдній, конечно, не допустить.

Гипотеза научнаго трактата, выставленная Scholl'емъ, мало вѣроятна. Какъ могъ человѣкъ, задавшійся мыслью научно опи- сать строй аѣинскаго государства sine ira et studio (nicht tadeln und loben, по выраженію изслѣдователя) допустить такіа выраженія πονηροί, ὄχλος и т. п. Видѣть оправданіе въ томъ, что авторъ инициальный противникъ демократіи, едва ли возможно. Если бы онъ писалъ цѣлью научно описать строй аѣинскаго государства съ оли- гархической точки зрѣнія, то для исполненія своего замысла, послѣ описанія о несогласіи съ этой формой правленія, авторъ долженъ бы былъ подчеркивать свое безпристрастіе. Если же онъ все время борется съ ненавистнымъ ему строемъ, то такое сочиненіе

<sup>1)</sup> А. Н. Шварцъ, стр. 54.

<sup>2)</sup> Busolt. Gr. Gesch. III, 2 p. 609 сл.

автора уже не будет научнымъ произведеніемъ, не имѣющимъ практическаго значенія, а памфлетомъ, преслѣдующимъ ту или иную практическую цѣль<sup>1)</sup>.

Такимъ образомъ мы приходимъ ко взгляду на Аѳинскую Политію, какъ на памятникъ политической партійной борьбы. — Изъ цѣлаго ряда указаній мы знаемъ, что Аѳины V в. и послѣдующаго времени изобиловали политическими трактатами, написанными по преимуществу въ олигархическомъ духѣ и имѣвшими внѣшнюю форму рѣчей (λόγοι), Андокидъ въ это время писалъ свой λόγος συμβουλευτικός πρὸς τοὺς ἐταίρους, въ которомъ старался возмутить противъ демократіи своихъ товарищей по клубу. Къ этому же времени относятся тѣ партійныя олигархическія сочиненія, которыми пользовался Аристотель въ своей Ἀθηναίων Πολιτεία. Рядъ политическихъ памфлетовъ съ рѣзкой тенденціозной окраской писали софисты<sup>2)</sup>. Наше произведеніе также принадлежитъ къ этой Flugschriftenlitteratur, отъ которой до насъ не дошло ничего болѣе.

Оно имѣетъ внѣшнюю форму въполнѣ опредѣленнаго ораторскаго произведенія. Lange (Leipziger Studien V. 426 сл.) и А. Н. Шварцъ (стр. 60) считаютъ даже возможнымъ, что весь нашъ трактатъ написанъ по опредѣленной ораторской схемѣ, хотя знатокъ греческаго ораторскаго искусства Blass смотритъ на наше сочиненіе «какъ на черновой, не приготовленный къ изданію» набросокъ, въ который безъ всякаго порядка занесены разныя случайныя мысли, касающіяся аѳинскаго государственнаго устройства<sup>3)</sup>. Последняго мнѣнія держался ранѣе и Виламовицъ, полагая, что «мы имѣемъ дѣло не съ цѣльнымъ произведеніемъ, а съ какими то фрагментарными выписками, только случайно и въ безпорядкѣ приписанными къ тексту Ксенофоновой Λακεδαιμονίων πολιτεία». Позднѣе онъ измѣнилъ этотъ взглядъ и видитъ въ авторѣ Аѳинской Политіи стараго олигарха, непримиримаго врага демоса, который не хочетъ отрѣчься отъ погибшаго ancien régime—съ одной стороны, а съ другой—признавая послѣдовательность и непреодолимость демократіи и без-

<sup>1)</sup> О грубомъ тонѣ публичныхъ рѣчей см. Rhode въ Rhein Mus XLVIII (1893) стр. 119.

<sup>2)</sup> Подробности у А. Н. Шварца 58 сл.; Busolt. G. G. III. 2, 606. Wilamowitz. Ar. u. Atten I. 161 сл.

<sup>3)</sup> Attische Beredsamkeit I<sup>2</sup> s. 279.



ность борьбы против нея, призывает бурную молодежь своей  
ии къ самоотверженію, которое прилично только старцу, и  
рому молодежь внимала тогда такъ же мало, какъ и во всякое  
ое время <sup>1)</sup>). Довольно близко къ этому и мнѣніе Эд. Мейера,  
ающаго, что авторъ соединяетъ теоретическій анализъ съ прак-  
ской цѣлью показать своимъ сторонникамъ, что для нихъ нѣтъ  
кого компромисса съ демократическимъ государствомъ <sup>2)</sup>).

Мнѣ кажется, что, дѣйствительно, трудно отрицать предвзятую  
и извѣстную схему въ разбираемомъ трактатѣ. Хотя въ немъ  
нѣсколько вставокъ, попавшихъ, повидимому, не на должное  
о <sup>3)</sup>, однако онѣ нисколько не противорѣчатъ этому и указы-  
тъ только на неотдѣланность трактата.

Труднѣе отвѣтить на вопросъ, для какой публики предназна-  
н этотъ λόγος. Друзьямъ олигарховъ за границей и сотоварищамъ  
на по клубамъ положеніе афинской демократіи, конечно, было  
мно извѣстно и безъ него. Для произнесенія передъ народомъ  
едва ли могла предназначаться: какъ бы терпимо не относи-  
народное собраніе къ критикѣ своихъ дѣйствій, все же было  
искованнымъ такъ рѣзко нападать на τοὺς πονηροὺς (сволочь,  
idel, какъ переводить Müller-Strübing), изъ которыхъ и состояла  
сия <sup>4)</sup>. Остается предположить, что сочиненіе назначалось для  
ностраненія въ письменномъ видѣ, какъ прокламація извѣстной  
атической партіи. Съ этой точки зрѣнія были бы вполне объяснимы  
и рѣзкія выраженія, какія мы находимъ у Псевдо-Ксенофонта.

Предлагаемый ниже переводъ сдѣланъ по тексту, данному въ  
омъ изслѣдованіи А. Н. Шварцемъ; въ I. 14, начало, принята  
ставка Мюллера Штриубинга: χρῆστοις [γνώμη καὶ τοῦτο ποιοῦσι]; въ II. 1,  
мно, принята вставка Кирхгофа: [γνώμη] οὕτω καθεστῆκε; въ II. 4 по  
мину: παραπλεῖν γὰρ [καὶ ἀποβαίνειν] ἔξεστιν; II. 5, чтеніе рукописи  
и терминологія Кирхгофа: ἔξεστι ἀποβῆναι ἐν ταῦτα τῆς γῆς, οὗ δ' ἂν μὴ  
ἀποβῆναι ἀλλὰ παραπλεῦσαι; II. 17 переведенъ по конъектурѣ Ланге:  
πλήρει по Мюллеру Штриубингу; εἰ μὴ δόξειε [τῷ δῆμῳ, σύμφορα]  
и ταῦτα по Кирхгофу; III. 7, переданъ только вѣроятный смыслъ.

<sup>1)</sup> Aristoteles und Athen I p. 171.

<sup>2)</sup> Gesch. d. Alt. III. 250.

<sup>3)</sup> II. 9—10; 17—19; I. 13 (?); III. 8.

<sup>4)</sup> Ср. однако рѣчь Клеова у Thuc. III. 37—40.

Новѣйшимъ комментированнымъ изданіемъ сочиненія Псевдо-Ксенофонта <sup>1)</sup> я могъ воспользоваться, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно для того, чтобы внести его результаты въ соотвѣтствующіе мѣста введенія. Общіе выводы изслѣдователя въ нѣсколькихъ словахъ таковы: сочиненіе относится ко времени перваго аттическаго морскаго союза (стр. 16), и объ авторѣ его съ достовѣрностью можно сказать только одно, что онъ былъ аѳинскій гражданинъ и олигархъ (стр. 21). Внѣшней формой сочиненія, по мнѣнію Калинки, является рѣчь (*λόγος*), притомъ рѣчь импровизированная и записанная при самомъ произношеніи однимъ изъ слушателей (стр. 58). Импровизаціей легче всего объясняется и тотъ недостатокъ связи между отдѣльными частями сочиненія, который такъ подчеркиваютъ другіе изслѣдователи, и та неполнота изложенія, при которой авторомъ опущена, напр., такая важная для поддержанія демократіи мѣра, какъ остракизмъ (стр. 39). Эта импровизація могла быть произнесена на *συμπόσιον* какой-либо олигархической гетеріи, при чемъ аудиторія состояла не только изъ аѳинскихъ олигарховъ, но и изъ олигарховъ другихъ греческихъ городовъ. Такое собраніе могло состояться въ Аѳинахъ въ одинъ изъ большихъ праздниковъ, на которые въ городъ всегда собиралась масса народа. Что *συμπόσιον* въ Аѳинахъ V в. охотно трактовали за столомъ о «матеріяхъ важныхъ», можно видѣть изъ сочиненій Платона и Ксенофонта (стр. 56 сл.).

Позднимъ знакомствомъ съ указаннымъ изданіемъ объясняется и то, что я не могъ исправить по рецензированному Калинкой тексту своей переводъ, сдѣланный по тексту А. Н. Шварца, который, сообразно своей основной идеѣ, можетъ быть излишне подчеркиваетъ несложность отдѣльныхъ частей сочиненія. Подробнѣе объ изданіи Э. Калинки см. въ этомъ же Сборникѣ статью Е. Г. Кагарова.

<sup>1)</sup> Die pseudoxenophontische 'Αθηναίων πολιτεία. Einleitung, Übersetzung, Erklärung von Ernst Kalinka. Teubner 1913.

## [КСЕНОФОНТА]

### Афинское государственное устройство.

#### I.

Объ афинскомъ же государственномъ устройствѣ, которое они избрали для себя, этотъ родъ устройства я не хвалю, потому что, выбравъ себѣ его, они выбрали, что подлая чернь находится въ лучшемъ положеніи, чѣмъ честные граждане: поэтому я и не хвалю его. Но разъ оно кажется имъ такимъ, какъ хорошо они поддерживаютъ свое государственное устройство и какъ хорошо справляются они со всѣмъ прочимъ, въ чемъ по мнѣнію прочихъ Эллиновъ поступаютъ ошибочно, это я покажу.

Прежде всего я буду говорить, что вполне правильно здѣсь (т. е. въ Афинахъ) бѣдные и народъ имѣютъ большее значеніе, чѣмъ знатные и богатые, ибо народъ служить во флотѣ и придаетъ государству могущество: кормчіе, начальники гребцовъ, пентеконтархи, помощники кормчихъ, кораблестроители, всѣ они придаютъ государству его мощь гораздо въ большей степени, чѣмъ гоплиты, благородные и честные. А разъ положеніе дѣлъ таково, то кажется справедливымъ, что въ занятіи высшихъ государственныхъ должностей и въ жеребьевкѣ и въ голосованіи участвуютъ всѣ. И всякому желающему изъ гражданъ предоставлена свобода слова.

Далѣе, ни одна изъ должностей, которыя, будучи занимаемы знатыми людьми, приносятъ пользу всему народу, а занимаемая не знатыми—вредъ, не составляетъ предмета притязаній народа, и афиняне не думаютъ, что имъ слѣдуетъ занимать должности стратеговъ или гишпарховъ, такъ какъ народъ знаетъ, что боль-

шую пользу получить онъ въ томъ случаѣ, когда не самъ будетъ занимать эти должности, а лица наиболѣе могущественныя. Какія же должности оплачиваются жалованьемъ и выгодны съ имущественной стороны, эти должности народъ стремится занять.

4. Затѣмъ нѣкоторые удивляются, что вездѣ афиняне даютъ преимущество подлой черни, бѣднякамъ и сторонникамъ демократіи, а не честнымъ людямъ, но въ этомъ-то и обнаруживается ихъ стремленіе къ поддержкѣ демократіи. Вѣдь, бѣдняки, люди толпы и дурные люди, имѣя успѣхъ и сдѣлавшись многочисленными, возвышаютъ демократію. Если же богатые и достойные люди имѣютъ успѣхъ, то сторонники демократіи оказываютъ имъ сильное противодѣйствіе.
5. Во всякой странѣ существуетъ противодѣйствіе демократіи со стороны лучшихъ гражданъ, потому что среди нихъ существуетъ наименьшая распущенность и несправедливость и наибольшее стремленіе къ доблестнымъ дѣламъ, въ народѣ же существуетъ величайшее невѣжество, отсутствіе дисциплины и лѣнь: ибо бѣдность болѣе побуждаетъ ихъ къ постыднымъ дѣламъ, чѣмъ невоспитанность и невѣжество, которыми вслѣдствіе недостатка средствъ страдаютъ нѣкоторые изъ людей.
6. Могутъ сказать, что слѣдуетъ, чтобы не всѣ вмѣстѣ могли выступать съ рѣчами и быть членами совѣта, но самые умные и лучшие. Они и теперь даютъ самые лучшие совѣты, позволяя говорить и дурнымъ людямъ. Потому что то, что говорили бы и совѣтовали честные люди, было бы для лицъ подобныхъ имъ хорошимъ, а для сторонниковъ демократіи не хорошимъ. Теперь же дурной человѣкъ, поднявшись съ желаніемъ (говорить), изыскиваетъ хорошее для него и для ему подобныхъ.
7. Кто-нибудь скажетъ: итакъ что же хорошаго для себя или для народа можетъ придумать такой человѣкъ? Но они полагаютъ, что его невѣжество, порочность и ласкательство выгодны добродѣтели, мудрости и неприязни честнаго человѣка.
8. Государство можетъ сдѣлаться могущественнымъ не такими средствами, но демократія въ громадномъ большинствѣ слу-

чаевъ такимъ образомъ спасается. Вѣдь, когда государство находится въ благопріятномъ положеніи, народъ не желаетъ быть рабомъ, а свободнымъ и властвовать; дурные же законы мало его заботятъ. То, что мы считаемъ отсутствіемъ хорошихъ законовъ, это самое укрѣпляетъ народъ и дѣлаетъ его свободнымъ.

Если же ты ищешь хорошихъ законовъ, то прежде всего увидишь, что достойнѣйшіе люди устанавливають законы для себя затѣмъ честные люди будутъ сдерживать негодяевъ, совѣщаться о государствѣ и не позволять безумцамъ не участвовать въ совѣтѣ, ни произносить рѣчи, ни принимать участія въ народномъ собраніи. Именно, благодаря этимъ хорошимъ средствамъ народъ всего скорѣе попадаетъ въ рабство.

Съ другой же стороны распушенность рабовъ и метѣковъ въ Афинахъ достигаетъ высшей степени. Здѣсь нельзя побить раба, или и онъ не уступить вамъ. Я объясню, ради чего это вошло въ обычай. Если бы законъ позволялъ, чтобы рабъ, или метѣкъ, или вольноотпущенникъ получалъ побои отъ своего хозяина, то много разъ, подумавъ, что это рабъ, били бы чужеземца, ибо народъ здѣсь носить одежду не лучше рабовъ и метѣковъ и по виду visколько не лучше ихъ.

Если же удивятся тому, что здѣсь позволяютъ рабамъ быть извѣщенными и что нѣкоторые изъ нихъ ведутъ роскошный образъ жизни, то это также имѣетъ основаніе. Вѣдь, гдѣ существуетъ морское могущество, основанное на деньгахъ, тамъ господамъ необходимо покоряться рабамъ, чтобы мы получали оброкъ съ ихъ труда, и предоставлять имъ свободу дѣйствій. Гдѣ же есть богатые рабы, тамъ вовсе невыгодно, чтобы могъ рабъ тебя бояться. Въ Лакедемонѣ же мой рабъ тебя боится.

Если же твой рабъ меня боится, то будетъ опасность, что онъ отдастъ и свое имущество, лишь бы не бояться за себя, поэтому мы ввели и равноправіе для рабовъ сравнительно съ свободными, а для метѣковъ—съ гражданами, такъ какъ благодаря множеству ремеслъ и морскому дѣлу государство нуждается и въ метѣкахъ. Поэтому то мы, естественно, и метѣкамъ дали равноправіе.

13. Если же народъ запрещаетъ имъ занятіе музыкой и гимнастическимъ искусствомъ, то потому, что считаетъ эти занятія хорошимъ дѣломъ, свойственнымъ только людямъ могущественнымъ; въ хорегіяхъ же, гимназіархіяхъ и тріерархіяхъ, какъ извѣстно, богатые принимаютъ активное участіе, а народъ пассивное, тріерархами и гимназіархами бываютъ богатые, а народъ служить на тріерахъ подъ ихъ начальствомъ и упражняется въ гимназіяхъ подъ ихъ руководствомъ. Вѣдь народъ считаетъ для себя достойнымъ брать деньги за исполненіе пѣсенъ, за состязанія въ бѣгѣ, за пляску и плаваніе на корабляхъ, чтобы самому имѣть ихъ, и чтобы богатые становились бѣднѣе.

Въ судахъ же народъ менѣе заботится о справедливости, чѣмъ о собственной выгодѣ.

14. Относительно же того, что, плавая, аѳиняне доносятъ о настроеніи союзниковъ, и ненавидятъ честныхъ людей, то и это они дѣлаютъ разумно, зная, что правитель по необходимости вызываетъ ненависть со стороны управляемаго; если же въ государствахъ будутъ имѣть значеніе богатые и честные люди, то господству аѳинскаго народа наступитъ весьма скорый конецъ. Поэтому то аѳиняне и подвергаютъ честныхъ людей аѳиміи, отнимаютъ у нихъ имущества, изгоняютъ и убиваютъ, негодяевъ же возвеличиваютъ. Честные же аѳинскіе люди спасаютъ честныхъ людей въ союзныхъ государствахъ, зная, что для нихъ всегда полезно спасать самыхъ выдающихся лицъ въ государствахъ.
15. Могутъ сказать, что само аѳинское государство сильно, если союзники будутъ въ состояніи вносить деньги, но сторонникамъ демократіи кажется лучшимъ, чтобы каждый въ отдельности аѳинянинъ имѣлъ союзническія состоянія, а союзники только необходимое для жизни и работы, и чтобы они не были въ состояніи злоумышлять.
16. По видимости аѳинскій народъ, принявъ дурное рѣшеніе, тогда, когда принудилъ союзниковъ являться на судъ въ Аѳины. Но сторонники демократіи принимаютъ въ расчетъ, сколько въ этомъ заключается выгоды для аѳинскаго народа. Прежде

всего онъ получаетъ въ теченіе года жалованіе изъ судебныхъ пошлинъ; затѣмъ, сидя дома, и не посылая кораблей, аѣиняне управляютъ союзными государствами, и сторонниковъ демократіи спасаютъ, а противниковъ ея губятъ въ судахъ: если бы, каждый изъ союзниковъ имѣлъ судъ дома, то въ досадѣ на аѣинянъ, они губили бы тѣхъ изъ своихъ согражданъ, которые наиболѣе расположены къ аѣинскому народу.

Сверхъ того, аѣинскій народъ получаетъ и слѣдующія выгоды отъ разбора въ Аѣинахъ дѣлъ союзниковъ: вѣдь, прежде всего въ пользу города получается большое количество пирейскихъ пошлинъ въ  $\frac{1}{100}$ , затѣмъ выгоду получаютъ отдающіе въ наймы квартиры, экипажи или наемныхъ рабовъ; затѣмъ благодаря пребыванію въ городѣ союзниковъ въ лучшемъ положеніи находятся глашатаи.

Кромѣ того, если бы союзники не являлись въ судъ, то они уважали бы только аѣинянъ, приплывающихъ къ нимъ: стратеговъ, тріерарховъ и пословъ; теперь же каждый изъ союзниковъ въ отдѣльности принужденъ льстить аѣинскому народу, зная, что ему должно рѣшать свои споры, пріѣзжая въ Аѣины, не передъ кѣмъ другимъ, какъ передъ народомъ, влающимъ закономъ въ Аѣинахъ, и они принуждены бить челомъ въ судахъ и, являясь туда опираться на толпу. Благодаря этому союзники болѣе становятся рабами аѣинскаго народа.

Кромѣ того, благодаря имуществу въ чужихъ странахъ и владѣніямъ, посылаемыхъ въ чужую страну, и сами аѣиняне и ихъ слуги незамѣтно приучаются служить гребцами на корабляхъ: вѣдь необходимо, чтобы человекъ, плавающий много разъ, брался за весло и самъ онъ и его слуги и чтобы онъ изучилъ названія, употребляющіяся въ морскомъ дѣлѣ.

Благодаря же опытности и упражненію въ мореплаваніи они становятся хорошими кормчими; одни стали опытны въ управленіи транспортными судами, другіе—грузовыми, оныя отсюда переходятъ въ тріеры. Многіе же могутъ прямо, явившись на корабль, взяться за весла, такъ какъ заранѣе привыкли ко всякимъ жизненнымъ условіямъ.

## II.

1. Тяжело вооруженное войско, которое, кажется, у Афинъ находится въ наименѣ хорошемъ положеніи, въ такомъ положеніи находится съ намѣреніемъ. Они полагаютъ, что сами они и многочисленнѣе и малочисленнѣе враговъ; изъ союзниковъ, вносящихъ подать, они на сушѣ самые сильныя, и они считаютъ достаточнымъ свое тяжеловооруженное войско, если они будутъ сильнѣе союзниковъ.
2. Сверхъ того, и обстоятельства случайно сложились для нихъ удачно: властвующимъ на сушѣ возможно сражаться, объединившись изъ малыхъ городовъ подъ одно начальствованіе; для властвующихъ же на морѣ, сколько бы ни было островитянъ, невозможно сѣдинить свои государства въ одно цѣлое, потому что море находится на серединѣ, господами же положенія являются господствующіе на морѣ. Еслибы и возможно было для островитянъ тайно собраться на одинъ островъ, то они погибли отъ голода.
3. Изъ государствъ же на материкѣ, управляемыхъ афинянами, крупныя управляются съ помощью страха, мелкія съ помощью выгодъ. Потому что нѣтъ ни одного государства, которое не нуждалось бы во ввозѣ и вывозѣ чего либо. А этого не будетъ у него, если оно не будетъ подвластно владыкамъ моря.
4. Затѣмъ государствамъ, господствующимъ на морѣ возможно всегда дѣлать то, что господствующія на сушѣ могутъ дѣлать лишь иногда, именно грабить страну болѣе сильныхъ; вѣдь, возможно приплыть и высадиться тамъ, гдѣ нѣтъ никакого врага или гдѣ онъ малочисленъ, если же придетъ болѣе многочисленный непріятель, то отплыть, сѣвши на корабли. И дѣлающій это менѣе нуждается, чѣмъ являющійся на помощь на сушѣ.
5. Затѣмъ господствующимъ на морѣ возможно отплывать отъ своей страны на столько, на сколько они хотятъ плыть; господствующимъ же на сушѣ нельзя удаляться отъ своей страны на много дней пути, потому что передвиженіе по сушѣ медленно и пѣхотѣ невозможно имѣть хлѣбъ на продолжительное время. Пѣхотѣ приходится идти по дружественной странѣ или



побѣдить въ сраженіи, морскому же войску, когда оно сильнѣе, возможно высадиться на сушу, а въ противномъ случаѣ, плыть мимо, пока придуть въ дружественную страну или къ уступающимъ имъ (силой).

Затѣмъ неурожай, который бываетъ отъ Зевса, государства, сильныя на сушѣ, переносятъ съ трудомъ, господствующія же на морѣ—легко. Вѣдь не вся же земля одновременно даетъ неурожай, такъ что господствующимъ на морѣ (припасы) привозятся изъ урожайныхъ мѣстъ.

Если же должно вспомнить и о менѣе важномъ, то благодаря господству на морѣ прежде всего встрѣчаясь въ разныхъ мѣстахъ и съ разными... они узнали всяческія вещи для пировъ

... что есть сладкаго въ Сициліи или въ Италіи, или на Кипрѣ, или въ Египтѣ, или въ Лидіи, или на Понтѣ, или въ Пелопоннесѣ, или гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, все это собирается въ одно мѣсто благодаря господству на морѣ.

Затѣмъ, слушая всякую рѣчь, аѣиняне выбрали изъ одной одно, изъ другой другое. И въ то время какъ прочіе Элліны болѣе пользуются и собственнымъ говоромъ и собственнымъ образомъ жизни, и собственной одеждой, у аѣинянъ все смѣшанное отъ эллиновъ и варваровъ.

Жертвы оиміамоу, жертвоприношенія, праздники и святыни, народъ, зная, что нельзя каждому изъ бѣдныхъ приносить жертвы, пировать, приобрѣтать жертвенныхъ животныхъ и населять прекрасный и богатый городъ, нашелъ какимъ образомъ это будетъ. Государство на общественный счетъ приносить обильныя жертвы, народъ же является пирующимъ и дѣлящимъ по жребію жертвы.

И гимназіи, и бани, и раздѣвальни есть особыя у нѣкоторыхъ богачей, самъ же народъ себѣ воздвигаетъ много собственныхъ палестръ, раздѣваленъ и бань, и болѣе пользуется ими чернь, чѣмъ немногіе состоятельныя лица.

Изъ эллиновъ и варваровъ, одни только аѣиняне могутъ имѣть богатство. Вѣдь если какой нибудь городъ богатъ кораблестроительнымъ лѣсомъ, куда будетъ онъ сбывать его, если не бѣдить господь моря купить? Если же какой нибудь городъ

богаты желѣзомъ, мѣдью или льномъ, куда онъ будетъ сбывать все это, если не убѣдить владыкъ моря. Изъ этого то у насъ и корабли: отъ одного дерево, отъ другого желѣзо, отъ третьяго мѣдь, отъ четвертаго льняная матерія, отъ пятаго воскъ.

12. Кромѣ того тѣ, кто является нашими противниками, мы или воспрепятствуемъ продажѣ на сторону, или они будутъ пользоваться не моремъ. А я, не дѣлая ничего, изъ чужой страны все это имѣю благодаря морю, вѣдь ни одно государство не имѣетъ одновременно двухъ изъ этихъ вещей, въ немъ не бываетъ сразу лѣсъ и ленъ, но та страна, гдѣ всего больше льна, ровна и безлѣсна; въ одномъ и томъ же государствѣ не бываетъ желѣза и мѣди, или чего другого два или три въ одномъ государствѣ, но въ одномъ бываетъ одно, въ другомъ другое.
13. При этомъ еще вдоль всякаго берега бываетъ или выдающійся впередъ мысъ или лежащій вблизи островъ, или какое нибудь узкое мѣсто, такъ что господствующій на морѣ, блокируя здѣсь, можетъ вредить жителямъ материка.
14. Въ одномъ только у нихъ недостатокъ: если бы афиняне были господами моря, живя на островахъ, то они могли бы дѣлать зло по желанію, безъ всякаго риска, пока они господствуютъ надъ моремъ, и не бояться, чтобы ихъ земля была опустошена высадившимися врагами, теперь же землевладѣльцы, богатые афиняне, болѣе лстятъ врагамъ; а народъ, такъ какъ хорошо знаетъ, что враги у него ничего не сожгутъ и не разрушатъ, живетъ безъ страха и не лстятъ имъ.
15. Кромѣ того, афиняне освободились бы и отъ другого страха, если бы жили на островѣ, именно, ихъ городъ никогда не былъ бы измѣннически выданъ немногими, ворота не были бы открыты и врагъ не напалъ бы на нихъ врасплохъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могло бы случиться это съ жителями острова? Ни одна часть гражданъ не бунтовала бы противъ народа, если бы они жили на островѣ; тогда какъ теперь, если бы стали враждовать, то враждовали бы въ надеждѣ на помощь со стороны враговъ, рассчитывая призвать ихъ себѣ по сушѣ. Если же

они жили бы на островѣ, то и съ этой стороны они были бы спокойны.

Такъ какъ съ начала имъ не пришлось жить на островѣ, то они теперь дѣлаютъ слѣдующее: все свое могущество они возлагаютъ на острова, вѣря въ господство на морѣ, и равнодушно смотрятъ на разграбленіе Аттики, зная, что, если они будутъ жалѣть о ней, то лишатся бѣльшаго количества другихъ благъ. Еще же для государствъ, имѣющихъ олигархическій образъ правленія, необходимо твердо соблюдать союзы и клятвы; вѣдь если они не остаются вѣрными договорамъ или переступаютъ клятвы, то терпящій несправедливость знаетъ, отъ кого онъ ее терпитъ, потому что невозможно прикрываться именами другихъ лицъ или отвратить обвиненіе отъ немногихъ, которые сдѣлали постановленіе. Все же, что постановляетъ народъ, возможно ему тотчасъ уничтожить одной исефизмой, приписать вину оратору или внесшему предложеніе и отрицать свою вину, въ другихъ случаяхъ они не были тогда въ собраніи и имъ не правится то постановленіе. И если это окажется невыгодно для народа, то является тысячи предлоговъ, чтобы не дѣлать того, чего не хотятъ. И если случится какое нибудь несчастіе отъ народнаго постановленія, то народъ обвиняетъ, что немногіе люди, дѣлая вопреки ему, причинили вредъ, если же произойдетъ что хорошее, то онъ приписываетъ это себѣ.

И они не позволяютъ выводить въ комедіяхъ и злословить народъ, чтобы самимъ не слушать злословія, частныя же нападки поощряютъ: если кто нибудь захочетъ вывести въ комедіи кого нибудь, то они хорошо знаютъ, что представленный въ комедіи будетъ по большей части не изъ народа и не изъ толпы, но или богатый, или знатный, или могущественный. Изъ бѣдныхъ и сторонниковъ демократіи въ комедіи выводятся только немногіе, которые мѣшаются не въ свои дѣла и стараются чѣмъ нибудь выдаваться надъ народомъ, такъ что они не огорчаются, что въ комедіи представляются подобныя лица.

Итакъ я утверждаю, что афинскій народъ знаетъ, кто изъ гражданъ честные люди и кто негодяи, и, зная это, они любятъ людей удобныхъ и полезныхъ для нихъ самихъ, даже

если тѣ негодяи, честныхъ же людей болѣе ненавидятъ, такъ какъ думаютъ, что добродѣтель у нихъ служить для собственной пользы, но не зло народу.....

И наоборотъ, нѣкоторые, узнавъ, какова въ дѣйствительности природа демократіи, являются ея противниками.....

20. Я прошаю самому народу его демократичность, потому что всякому извинительно дѣлать себѣ полезное. Кто же, не будучи расположенъ къ народу, предпочитаетъ жить въ демократическомъ государствѣ, а не въ олигархическомъ, тотъ дѣлаетъ это съ злымъ умысломъ, зная, что злодѣю легче остаться безнаказаннымъ въ демократическомъ государствѣ, чѣмъ въ олигархическомъ.

### III.

1. И относительно аѳинскаго государственнаго устройства, этотъ родъ его я не хвалю; но разъ они рѣшили ввести демократію, то, мнѣ кажется, что они хорошо охраняютъ ее, примѣняя выше указанныя средства.

Нѣкоторыя, я замѣчаю, порицаютъ аѳинянъ еще и за то, что иногда здѣсь нельзя человѣку, ожидающему даже годъ, вступить въ сношеніе съ совѣтомъ или народнымъ собраніемъ. И это въ Аѳинахъ происходитъ ни по чему другому, какъ потому, что вслѣдствіе множества дѣлъ занимающіеся ими не могутъ удовлетворить всѣхъ.

2. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это можетъ быть, когда прежде всего нужно справлять столько праздниковъ, сколько не справляетъ ни одно греческое государство; въ праздники же съ меньшимъ удобствомъ можно исполнять только нѣкоторыя изъ государственныхъ дѣлъ. Затѣмъ должно разсмотрѣть столько общественныхъ и частныхъ жалобъ и отчетовъ, сколько не разсматриваетъ никто. А совѣтъ рѣшаетъ много дѣлъ и о войнѣ, и о денежныхъ доходахъ, и о законодательствѣ, и текуція городскія и государственныя дѣла, и дѣла о союзникахъ, о приѣмѣ подати, заботится о верфяхъ и о храмахъ. Что же удивительнаго, если при такомъ количествѣ дѣлъ невозможно удовлетворить всѣхъ людей?

Нѣкоторые говорятъ, что если кто явится въ совѣтъ или народное собраніе съ деньгами, дѣло того рѣшается. Я бы согласился съ ними, что въ Аѣинахъ многое совершается съ помощью денегъ, и еще больше бы совершилось, если бы давали больше денегъ. Однако я хорошо знаю, что городъ не способенъ удовлетворить всѣмъ нуждающимся въ судѣ, сколько бы кто ни давалъ аѣинянамъ золота и серебра.

Должно судить и въ тѣхъ случаяхъ, если кто не снарядилъ должнымъ образомъ свой корабль или если истратилъ на постройки что нибудь изъ общественныхъ суммъ. Кромѣ того надо произвести докимасію хореговъ при Діонисіяхъ, Оаргеліяхъ, Панаѣиніяхъ..... Прометейхъ и Гефестейхъ каждый годъ. Каждый годъ назначается 400 тріерарховъ и нужно относительно желающихъ изъ нихъ произвести докимасію изъ года въ годъ. Кромѣ того, надо произвести докимасію относительно властей, произвести развѣдки относительно сиротъ и назначить стражу для узниковъ.

По временамъ приходится судить дѣла по войску или если случится какое нибудь другое внезапное несправедливое дѣло, если кто нибудь совершить необычайное преступленіе или если явятся безбожники. Очень многое я еще пропускаю. Главнѣйшимъ дѣломъ затѣмъ считается назначеніе дани, и это бываетъ, какъ большая часть дѣлъ, каждый пятый годъ.

Что же? всего этого не должно, вы думаете, разбирать? Въ самомъ дѣлѣ пусть скажутъ, чего не слѣдовало подвергать разбирательству здѣсь, въ Аѣинахъ? Если же придется согласиться, что все это нужно подвергать разбирательству здѣсь, то это необходимо (дѣлать) въ теченіи года, а не какъ теперь, когда, творя судъ въ теченіи года, дѣлаютъ такъ, что въ виду массы людей отпускаютъ на свободу поступающихъ несправедливо.

На это кто нибудь скажетъ, что производить судъ, конечно, надо, но судей слишкомъ мало. Итакъ необходимо, если оказывается мало дикастеріевъ, увеличить ихъ число, если же увеличить ихъ число, то въ каждомъ судѣ будетъ мало судей, такъ что легче будетъ и хитростью приготовляться къ немно-

численнымъ судьямъ и подкупить, ибо надо согласиться, что меньшее число судей судить гораздо несправедливѣе.

8. Кромѣ того нужно подумать и о томъ, что аѳинянамъ приходится справлять праздники. въ которые нельзя производить судъ, а они справляютъ праздниковъ вдвое больше чѣмъ— другіе.

А я причисляю Аѳины къ городамъ справляющимъ наименьшее число праздниковъ.

Разъ обстоятельства находятся въ такомъ положеніи, я утверждаю, что въ Аѳинахъ нельзя вести дѣла инымъ образомъ, чѣмъ теперь, исключая самыхъ незначительныхъ измѣненій: значительнаго же ничего нельзя измѣнить безъ того, чтобы чего нибудь не отнять у демократіи.

9. Вѣдь дѣйствительно можно найти многое, чтобы улучшить государственный строй, но чтобы могла оставаться демократія въ достаточной степени, и чтобы при этомъ улучшился и государственный строй, это не легко придумать, развѣ, какъ я только что сказала, что нибудь отнять или прибавить изъ мелочей.
10. Мнѣ кажется, что аѳиняне не правильно постановляютъ рѣшенія, что въ возмущившихся государствахъ принимаютъ сторону худшихъ людей; они дѣлаютъ это съ намѣреніемъ, потому что, если бы они становились на сторону лучшихъ, то они принимали бы сторону лицъ, нисколько не заботящихся о нихъ самихъ. Вѣдь ни въ одномъ государствѣ лучшая часть населенія не сочувствуетъ демократіи..... но во всякомъ государствѣ ей сочувствуетъ самая худшая часть, потому что свой своему поневолѣ брать.
11. Поэтому аѳиняне выбираютъ подходящее для самихъ себя; всякій же разъ какъ они пытались принимать сторону лучшей части населенія, это не приносило имъ пользу, но..... скоро народъ сталъ рабомъ..... Беотійцамъ..... Когда они приняли сторону лучшихъ людей Милета, вскорѣ они, отложившись, ниспровергли демократію..... Когда же они приняли сторону лакедемонянъ противъ мессенцевъ, то лакедемоняне, подчинивъ мессенцевъ, вскорѣ начали войну съ аѳинянами. . . . .

11. Ктонибудь может предположить, что никто въ Афинахъ не лишился несправедливо гражданскихъ правъ. Я же утверждаю, что есть нѣкоторые люди, которые были лишены правъ несправедливо, хотя они и немногочислены. Но нѣтъ недостатка въ многихъ нападавшихъ на афинскую демократію.

Такъ какъ обычно не обращаютъ никакого вниманія на людей, которые справедливо подверглись лишенію правъ, а обращаютъ вниманіе на подвергнувшихся этому несправедливо, то несправедливо можетъ подумать ктонибудь, что въ Афинахъ многіе лишаются правъ, когда народъ является господиномъ власти. Въ Афинахъ лишены правъ бывають за злоупотребленіе властью и за несправедливые слова или поступки. Нужно принять это во вниманіе, чтобы не считать, что въ Афинахъ есть что то ужасное со стороны лишенныхъ правъ.

*А. Захаровъ.*

---